

ТЫ ЖЕ ХОТЕЛ КАК ЛУЧШЕ

Иногда
из лучших
намерений
получаются
самые
большие
раны

Роман
о родителях,
которые любят.
И детях, которые
хотят быть собой.

АНАТОЛИЙ БЕВЗА

18+

Анатолий Бевза

Ты же хотел как лучше

«Автор»

2026

Бевза А.

Ты же хотел как лучше / А. Бевза — «Автор», 2026

Ты не плохой родитель. Ты просто устал. Ты хотел как лучше. Но твоя любовь стала клеткой. Твоя забота - контролем. Твои ожидания - приговором. Эта книга - для тебя. И для твоего ребёнка. Для тех, кто вырос с чувством «я недостаточно хорош». Для тех, кто до сих пор слышит внутри: «Молодец, но мог бы лучше». Это не обвинение. Это попытка увидеть. Художественно-терапевтический роман, который возвращает детям право на свои желания, а родителям - шанс на настоящее «прости». Внутри - истории, которые болят и лечат, и 40 фраз, которые меняют тон. Прочти, если готов признать: иногда из лучших намерений получаются самые большие раны. И если готов начать говорить иначе.

© Бевза А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1. «Я хочу как лучше»	7
ГЛАВА 2. Недожитая жизнь	8
ГЛАВА 3. Условная любовь	10
ГЛАВА 4. Стыд	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Анатолий Бевза

Ты же хотел как лучше

ОТ АВТОРА

Эта книга – не научное исследование и не медицинское руководство. Это художественно-терапевтический текст, основанный на наблюдениях, историях и типичных сценариях.

Важно:

Книга не заменяет работу со специалистом. Если вы узнаете себя или своего ребёнка в тяжёлых главах – особенно в главе «Тишина», – пожалуйста, обратитесь к психологу, психотерапевту или врачу. Это не слабость. Это забота о себе.

Психологические механизмы, описанные здесь, имеют научную основу. Теория привязанности (Джон Боулби, Мэри Эйнсворт), концепция условного принятия (Карл Роджерс), исследования эмоционального насилия и его влияния на развитие личности (Алис Миллер, Джудит Херман) – всё это стоит за сценами, которые вы прочтёте. Я не цитирую их напрямую, но опираюсь на них.

Родители в этой книге – не монстры. Они – люди. Уставшие, тревожные, недолюбленные. Они делают больно не потому, что злые, а потому что не знают другого. Эта книга – не обвинение. Это попытка увидеть.

Ребёнок в этой книге – не только жертва. Он – живой. Он чувствует. Он не умеет сказать. Эта книга – попытка дать ему слова.

Если после прочтения вам станет тяжело – это нормально. Тяжело – значит, живо. Но если станет слишком тяжело – не оставайтесь с этим один на один. Поговорите. С другом. С психологом. С тем, кому доверяете.

ПРОЛОГ

Комната. Небольшая, но уютная. Обои выбирала мама – «спокойные, чтобы не отвлекался». На стене – полка с кубками. Кубков много. Они стоят ровно, по росту, как солдаты.

На письменном столе – расписание. Не его. Общее. Семейное. Там расписана его жизнь до восемнадцати: школа, репетитор, секция, английский, «полчаса на телефон, если сделаешь всё».

На двери – табличка. Её повесил папа. На табличке написано: «Здесь живёт будущее».

Андрею четырнадцать. Он стоит в этой комнате и понимает простую вещь: здесь нет места ему. Здесь есть место проекту. А он – исполнитель.

Он не знает, как это сказать. У него нет слов. Есть только тяжесть в груди. И желание – чтобы его оставили в покое. Просто посидеть. Без «надо». Без «ты можешь лучше». Без «мы в тебя столько вложили».

Просто посидеть.

Но это, кажется, нельзя.

Он садится на кровать. Смотрит на полку с кубками. Он не помнит, за что каждый. Он помнит только, что после каждого мама говорила: «Молодец. Но мог бы лучше».

И он старался. Всегда старался. И всегда было «но».

Он не знает, как это – когда «молодец» без «но». Он никогда этого не слышал. Ни разу. За четырнадцать лет.

Эта книга – не про плохих родителей. Плохих родителей почти не бывает. Бывают уставшие, тревожные, недолюбленные в детстве взрослые, которые изо всех сил пытаются дать ребёнку то, чего не хватило им. И делают это так, что ребёнок задыхается.

Эта книга – про зазор. Про то место, где родительская любовь перестаёт быть тылом и становится фронтом. Где «я хочу как лучше» превращается в «ты должен быть лучше». Где медаль ребёнка становится медалью родителя, а трещина внутри ребёнка – невидимой для всех.

Мы пойдём по этому медленно. Без криков. С юмором там, где иначе не выдержать. И да – будет больно. Это нормально.

Больно – это не значит «плохо». Больно – это значит «живое место».

Мы его не будем вырывать. Мы его будем аккуратно распутывать.

Начнём с самого неудобного.

Ты же хотел как лучше.

ЧАСТЬ

I

. ДОБРЫЕ НАМЕРЕНИЯ

ГЛАВА 1. «Я хочу как лучше»

Кухня. 21:40. Мама моет чашку. Андрей сидит за столом, не поднимая глаз.

– Ну и что это было? – спрашивает она. Голос ровный, усталый. Она не орёт. Она давно не орёт. Она «разговаривает». Это хуже.

– Ничего.

– Ничего. Понятно. Ты не сделал математику. Ты не пошёл на английский. Ты сказал тренеру, что у тебя болит колено. У тебя не болит колено, я звонила маме Димы.

Он молчит. Интересно, думает он, она звонила маме Димы до или после того, как решила, что я вру? Наверное, до. Она всегда сначала проверяет, потом спрашивает. Как прокурор, который уже знает ответ.

– Я не понимаю, – продолжает она. – Я работаю. Папа работает. Мы платим за всё это. Мы не просим тебя многого. Мы просим тебя просто постараться. Я же хочу как лучше.

Она искренне верит, что говорит о любви. А он слышит совсем другое. Он слышит: «Ты недостаточно хорош. Ты пока не тянешь. Докажи. И потом тоже докажи. И потом тоже».

Он не может это сформулировать. Ему четырнадцать. У него нет слов для этого чувства. У него есть только тяжесть в груди и желание исчезнуть.

Мама выключает воду. Вытирает руки. Смотрит на него. Ждёт. Он не поднимает глаз.

– Ладно, – говорит она. – Иди спать. Завтра поговорим.

Он уходит. Она остаётся на кухне. Смотрит на чашку. Чистую. И думает: «Я же хотела как лучше. Почему он не понимает?»

А он в это время лежит в комнате. Смотрит в потолок. И думает: «Я бы лучше был тем, с кем просто рядом. Не тем, для кого стараются. Просто рядом. Но, кажется, так нельзя. Кажется, надо быть лучше. Всегда. И я не знаю, как это – не стараться. Я не умею. Меня не учили. Меня учили только стараться».

Утром мама заходит в комнату. Он ещё спит. Она смотрит на полку с кубками. И думает: «Я же не злая. Я же не бью его. Я же просто хочу, чтобы у него было будущее. Почему он не ценит? Почему он не понимает, что я стараюсь?»

Она не знает, что в этот момент он видит во сне. Ему снится, что он стоит на сцене. Зал полный. Все смотрят. Он должен что-то сказать. Но он не знает что. У него нет слов. У него нет своих слов. Только чужие. Мамины. Папины. Тренера. Учительницы.

Он открывает рот. И ничего не выходит. Зал начинает смеяться. Он просыпается.

Он не расскажет ей этот сон. Она не спросит.

Что стоит за фразой «я хочу как лучше»? Почти всегда – одно из четырёх: тревога («если он не будет лучшим, мир его съест»), проекция («я не стал музыкантом, пусть станет он»), стыд («что скажут люди») или долг («мы в тебя столько вложили»).

Родитель в этот момент не злой. Родитель – испуганный. Он не знает, что его любовь работает как клейкая лента на рту: и держит, и не даёт дышать.

Андрей не знает этих слов. Он знает только, что когда мама говорит «я хочу как лучше», внутри что-то сжимается. И хочется стать меньше. Чтобы не занимать место. Чтобы не быть проблемой. Чтобы не надо было стараться.

Просто быть.

Но это, кажется, нельзя.

ГЛАВА 2. Недожитая жизнь

Гостиная. 19:30. Папа сидит в кресле. На коленях – старый альбом. Фотографии из его юности: он на сцене, с гитарой, в футбольной форме.

Андрей стоит рядом. Он не хочет смотреть, но смотрит. Потому что папа позвал. А если папа позвал – надо идти. Это не обсуждается.

– Смотри, – говорит папа. – Я тогда мог всё. В футбол – в сборную. На гитаре – любой аккорд. А потом... жизнь. Работа. Ипотека. И вот я здесь.

Андрей молчит. Он уже знает, что сейчас будет «но».

– Но у тебя всё по-другому, – продолжает папа. – У тебя есть шанс. Я хочу, чтобы ты стал тем, кем я не стал. Не ради меня. Ради тебя.

Андрей кивает. Ему хочется сказать: «Я не хочу быть твоей второй попыткой». Но он не говорит. Потому что обижать папу нельзя: он столько старается. Он ходит на работу, которую не любит. Он платит за секцию, за английский, за репетитора. Он устаёт. Он делает это для Андрея.

Как можно сказать ему, что это не нужно? Как можно сказать, что Андрей не хочет быть им? Что он хочет быть собой?

Но кто это – «собой»? Он не знает. Он никогда не пробовал.

– Ладно, – говорит он. – Я подумаю про экономический.

Папа улыбается. Ему кажется, что это победа. Он закрывает альбом. Встаёт. Идёт на кухню. Говорит маме: «Он согласился. Будет экономистом. Как я хотел».

Андрей остаётся в гостиной. Смотрит на альбом. На папу в молодости. На гитару. На футбольную форму. И думает: «Он хотел быть музыкантом. Но стал инженером. И теперь хочет, чтобы я стал экономистом. Чтобы я не повторил его ошибок. Но я не он. И его ошибки – не мои. У меня будут свои. Но я не могу ему это сказать. Потому что он расстроится. А если он расстроится – мама расстроится. А если мама расстроится – всё рухнет. Надо молчать. Надо кивать. Надо быть тем, кем они хотят».

Вечером папа рассказывает маме, как прошёл разговор. Мама кивает. Говорит: «Ну, наконец-то. А то он всё в облаках витает». Папа говорит: «Я в его возрасте уже знал, кем буду. А он – нет. Надо помочь». Мама говорит: «Надо».

Они не слышат, как Андрей проходит мимо. Он идёт в свою комнату. Закрывает дверь. Достает телефон. Открывает мемы про школу. Смеётся. Тихо, в ладонь, чтобы не слышали.

Один мем – про учителя физики, который говорит «откройте учебник на странице, которую я не назову». Другой – про сочинение, где «автор хотел сказать», а автор хотел просто заработать. Андрей фыркает. Это глупо. Это смешно. Это – его. Тридцать секунд. Пока не зашла мама.

Он кладёт телефон. Смотрит на полку с кубками. И думает: «Я не знаю, чего хочу. Я знаю только, чего хотят они. И, наверное, это и есть моя жизнь. Быть тем, кем они хотят. Пока они живы. А потом – не знаю. Потом, наверное, будет поздно».

Когда родитель делает из ребёнка свой аватар, он не признаётся себе в главном: «Я хочу прожить через него то, чего не прожил сам».

Это не про ребёнка. Это про незакрытый гештальт взрослого. Про мечту, которую когда-то называли «несерьёзной». И теперь родитель говорит: «Пусть хотя бы он».

Но ребёнок слышит: «Ты – моя вторая попытка. Твоя жизнь – мой черновик».

И он не может отказаться. Потому что это же мечта папы. А папа старается. А папа устаёт. А папа ходит на работу, которую не любит.

Как можно сказать ему, что ты не хочешь? Как можно сказать, что ты не он? Как можно сказать, что ты – это ты?

Никак. Нельзя. Надо молчать. Надо кивать.

И однажды – наступит день, когда ты не сможешь вспомнить, чего хотел ты сам. Потому что ты никогда не пробовал хотеть. Тебя не спрашивали. Тебя только хотели. Для тебя. Но тебя самого – не было.

ГЛАВА 3. Условная любовь

Андрей приходит из школы. В рюкзаке – дневник. Там четвёрка по русскому. Не пятёрка. Четвёрка.

Он знает, что будет. Он знает это наизусть.

Он открывает дверь. Мама на кухне. Она слышит, как он заходит. Не оборачивается.

Спрашивает:

– Что получил?

– Четыре.

– По чему?

– По русскому.

Пауза. Он ждёт. Она вытирает руки. Поворачивается. Смотрит на него. Не зло. Устало.

– Почему не пять?

Он молчит. Он знает этот тон. Он знает, что сейчас будет. Не крик. Не скандал. Просто длинное, ровное объяснение, что «ты способный, но не стараешься». Он слышал это сто раз. Он может произнести это вместе с ней, слово в слово.

Он идёт в комнату. Закрывает дверь. Садится на кровать. Смотрит в стену.

Через десять минут она приносит чай.

Чай – это «я тебя люблю». Но чай приносится после «почему не пять». И он запоминает порядок: сначала оценка, потом чай. Всегда.

Он пьёт чай. Смотрит в окно. Думает: «Я получил четыре. Это хорошо или плохо? Я не знаю. Я знаю только, что после четырёх – чай. А после пяти – объятие. А после трёх – молчание. Я знаю эту шкалу. Я выучил её, как таблицу умножения».

Я знала одну девочку. Соню. Ей было пятнадцать. Она была отличницей. Не потому что хотела. Потому что иначе нельзя. У неё не было троек. Не было четвёрок. Только пятёрки. Идеальный дневник. Идеальный портфель. Идеальная комната.

Мама Сони не орала. Не наказывала. Она просто вздыхала. Один раз. И этого хватало. Соня готова была на всё, чтобы мама не вздыхала.

В прошлом году Соня получила четвёрку по химии. Первую в жизни. Она не сказала маме. Сказала, что пятёрка. Мама проверила электронный дневник. Узнала. Не ругала. Просто сказала:

– Я не ожидала от тебя.

Соня не спала две ночи. Она не плакала. Она просто лежала и смотрела в потолок. И думала: «Я больше никогда не совру. Я лучше умру, чем совру».

Ей пятнадцать. Она уже знает, что любовь – это то, что можно потерять. И что она уже почти потеряла. Из-за четвёрки по химии.

Вечером Андрей сидит над английским. Не хочет. Устал. Но если скажет «я устал» – мама вздохнёт. Этот вздох – хуже крика. Это вздох человека, который «столько для тебя делает, а ты».

Он не хочет вдоха. Он учит. Он всегда учит. Он не помнит, чтобы когда-то не учил.

Он смотрит в учебник. Слова расплываются. Он думает: «Я не хочу английский. Я не хочу математику. Я не хочу экономический. Я не хочу ничего, что они хотят. Но я не знаю, чего хочу я. Потому что меня никогда не спрашивали».

Он закрывает учебник. Ложится. Смотрит в потолок. И засыпает.

А утром – снова. Школа. Уроки. «Почему не пять?» И чай. После.

ГЛАВА 4. Стыд

Школьный двор. 14:20. Папа ждёт у ворот. Андрей выходит последним. В руках – дневник. Он уже знает, что там. Он видел на перемене: тройка по физике, замечание от учителя.

Он не хочет идти к отцу. Но идёт. Потому что если не пойдёт – будет хуже. Будет «ты меня позоришь». А это – хуже всего.

Папа не спрашивает «как дела». Он берёт дневник. Открывает. Читает. Медленно.

– Это что?

– Физика. Я не понял тему.

– Не понял. Понятно. А головой думать? Головой?

Мимо идут другие родители. Кто-то здоровается. Папа кивает, улыбается – и снова Андрею, тише, но жёстче:

– Люди смотрят. Ты понимаешь, что люди смотрят? Мне за тебя стыдно.

Андрей молчит. Он не знает, что сказать. Он знает только, что сейчас внутри что-то сжалось. Это стыд. Он знаком с ним с пяти лет.

Он смотрит в землю. Идёт к машине. Садится. Смотрит в окно. Всю дорогу молчит. Папа тоже молчит. Но это не та тишина, когда можно дышать. Это тишина, в которой висит «мне за тебя стыдно». И не уходит. Даже когда они приезжают домой. Даже когда Андрей закрывает дверь своей комнаты. Даже когда ложится спать.

Я знала одного мужчину, Кирилла. Ему было тридцать четыре. Свой бизнес. Квартира. Машина. Жена. Двое детей. Всё «хорошо».

Он пришёл к психологу с одним вопросом: «Почему я не могу радоваться?»

Разбирались полгода. Оказалось – отец. Не бил. Не пил. Не ушёл. Просто каждый раз, когда Кирилл что-то делал – даже хорошо, – отец находил, за что зацепиться.

«Молодец, но мог бы лучше». «Неплохо, но посмотри на Лёшу». «Я в твоём возрасте уже...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.